

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 25 апреля 2017

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 25 de abril de 2017 No. 3059

1967-2017: 50 ЛЕТ НА РЕДАКТОРСКОМ ПОСТУ

ПИСЬМА Т. В. ДУБРОВСКОЙ О ПРИВЛЕЧЁННОМ ЕЮ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В КАЧЕСТВЕ РЕДАКТОРА Н. КАЗАНЦЕВЕ

Я понимаю, что это будет выглядеть весьма нескромно. Но благодаря одному моему ненавистнику (более двадцати лет назад переметнувшемуся в совковый лагерь) на интернете и в некоторых научных трудах ошибочно указывается, что я начал редактировать "Нашу Страну" в 1995 году. Посему, к моему юбилею, я публикую отрывки из писем издательницы газеты Татьяны Владимировны Дубровской, урождённой Киреевой, направленные своим сотрудникам и свидетельствующие о том, что я исполняю эту почётную обязанность - безвозмездно, непрерывно и бессрочно - с 1967 года.

Н. Казанцев

Алексею Ростову (Сергею Викторовичу Сигристу), от 19-7-1967. «Ника встречается с подсоветскими моряками, раздаёт им нашу литературу. У него подход к своим обязательствам серьёзный и он жаждет активности. Оставлять литературу в отелях нет никакой возможности, так как нынешнее правительство не даёт возможности никаким советским балетам и артистам приезжать на гастроли в Аргентину. Правительство поставило условие отпечатки пальцев при выдаче виз, а советское правительство заявило, что артисты не преступники, чтобы делать отпечатки пальцев, а потому уже больше года здешние жители лишены лицемерия советских балетов».

С. Л. Войцеховскому от 13 сентября 1967. «На воззвание Алексея Ростова помочь Народно-Монархическому Движению и его органу "Нашей Стране", здесь в Буэнос Айресе откликнулся молодой человек 19-ти лет Н. Казанцев, который уже несколько лет состоит подписчиком газеты. Он оказался очень серьёзным, глубоко патриотично настроенным русским человеком. Говорит по-русски без единой ошибки. Русскую историю знает так, как может быть не знаю я. Он состоит в организации "Русский Сокол". Хочет сокольскую молодёжь привлечь к идее монархии. Дело очень трудное, но и очень важное».

Алексею Ростову, от 13 сентября 1967. «Мы много говорим с Никой. Он полон всяких идей, но важно, что они не фантастические, а вполне реальные. Кроме всего прочего, он мне понемногу наскрёбывает новых подписчиков. Месяц тому назад у меня появилось 8 новых подписчиков в разных местах, а теперь ещё десять. Для меня это невероятное моральное удовлетворение. Значит газета интересная и значит о ней идут разговоры, и кто-то кого-то

ею заинтересовывает, как это делает Ника. Ника у нас клад».

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 13-9-1967. «Ника предложил издать на испанском языке Обращение к 50-летию Октябрьской революции, которое он разошлёт во все редакции аргентинских газет, включая провинциальные. В нём доказывается, что Октябрьская Революция не была народной и указывается на её последствия».

Алексею Ростову, от 23.9.1967. Ника был у меня сегодня. Присидел

Начало сотрудничества. Т. В. Дубровская и Н. Л. Казанцев в Доме Русских Белых на улице Карлос Кальво в Буэнос Айресе. 1967 год.

ТРИ ЧАСА и когда уходил сказал, что время пролетело незаметно. Должна признать, что и для меня оно пролетело незаметно. Я очень боюсь переоценить нашего Нику, но всё убеждаюсь, что он просто клад для нас. Как было бы хорошо если бы мы с Вами не разочаровались. Но так как он очень серьёзный мальчик, с глубоким подходом к теме, которую он затрагивает, то я надеюсь, что никакого разочарования не будет. В одном важном деле отдаю пальму первенства именно Нике. Он его придумал, а не я, и я это ни перед кем не буду скрывать. Он предложил издать на испанском языке Обращение к 50-летию Октября. Главная цель

– показать, что Октябрьская революция не была народной у указать на её последствия. Это будет сопровождено небольшой картиной дореволюционных лет жизни России.

Николаю Кремневу (Леониду Кутукову), от 29 ноября 1967. «Сейчас у меня очередной материальный кризис, как всегда бывает к концу года и я выкручиваюсь, что стоит мне и нервов и головной боли. Однако я как-то выкроила сумму необходимую для издания и распространения Обращения к 50-летию Октябрьской революции, на испанском языке. Оно

Сергею Руднику, кадету, диктору мюнхенского "Радио Свобода", присылавшему нам материалы самиздата и советской прессы, от 26 января 1968. «Нет слов, чтобы высказать Вам благодарность. Ваши материалы имеют для "Нашей Страны" громадное значение. Выборки из него делает Ника, о котором я Вам уже говорила, и снабжает своими комментариями. Он мне очень облегчает работу, так как делая редакторскую работу, даёт мне возможность заниматься всеми другими текущими делами. Ника имеет крупные способности к публицистике и пишет все редакционные примечания, а также редактирует статьи, исправляя их и порою развивая их мысли. Кроме того, он энтузиаст и горит интересом к редакторской работе, но горение его не экзальтированное, а глубокое, в самую суть и обладающее спокойным критическим анализом. Он очень толковый и вдумчивый советник в вопросах сложных, которые часто возникают в моей работе. Кроме того, он обладает ещё одним качеством, так редко встречаемым - у него очень развито чувство долга и из этого вытекает его точная исполнительность».

С. Л. Войцеховскому, от 27 марта 1968 года. «Николай уже целый ряд месяцев работает для газеты. Он редактирует статьи, выкидывает из них всё, что меня тоже корбило, но у меня не было храбрости приступить к использованию красного карандаша. С тех пор, как я увидела, что у Николая совершенно потрясающая и не по возрасту глубокая оценка прочитываемого им, я без боязни поручила ему подбор и редактирование статей. Вы легко уже сделали вывод, что Николай сделался редактором "Нашей Страны" и моим единственным советником. Это Вам может показаться странным и даже парадоксальным, что молодой человек в 20 лет способен на такую роль в газете, но я уверена, что Вы убедитесь, что мой выбор был правильным и что я не ошиблась. Поверьте, что ни с Н. Кусаковым (Чуриловым, ему около 55 лет) ни с кем другим я не смогла бы советоваться. Мы часто говорили на тему о том, что судьба нас, русских монархистов, не балует и предоставила нам не удачного Главу Императорского Дома. Но пока что мы с этим миримся. Что будет дальше, один Господь Бог знает. Мы монархию обособляем от личности Владимира Кирилловича. Как говорит Николай, это не непредрешенчество, а вынужденное выжидание кристаллизации перспектив для монархической деятельности. Нас сильно огорчают действия Владимира Кирилловича и отсутствие каких-нибудь других перспектив в отношении Династии. Однако, ввиду того, что мы не

было составлено 19-летними Н. Казанцевым. Эта наша акция имела уже некоторые отклики. Обращение поместила буэнос-айресская немецкая газета, а в одной провинциальной газете оно было помещено передовицей».

Алексею Ростову от 16 декабря 1967. «Представьте себе, я теперь часто делаю так: приму какое-нибудь решение, но не высказываю его Нике, а он в процессе обсуждения того или иного факта, касающегося газеты или русской общественной жизни, высказывает именно то, что я уже в себе решила, то есть его реакция идентична моей реакции на то или другое. Это единомыслие у нас во всём».

в силах изменить создавшееся трагическое положение – единственная правильная и неизбежная линия “Нашей Страны” это пока придерживаться создавшегося статуса кво. Но не допуская фальшивок на страницах газеты. Не могу не признать, что только с моральной поддержкой Николая я решилась, например, на вычеркивание слов “Государь” и “Государыня” даже из официальных сообщений “Походной Канцелярии” Н. Вуича. Последние наши Государь и Государыня были убиты в Ипатьевском Доме. После них никто на это обращение не имеет права. Когда-то Николай хотел прийти к Всеволоду Константиновичу, и поговорить с ним о неувязках с Владимиром Кирилловичем, которые его возмущали, но не решился беспокоить моего тяжело больного сердцем мужа”.

Алексею Ростову, от 13 июня 68. “Участие Ники в редактировании материалов столь неопределимо, что я не знаю как бы я теперь обходилась без него. Его мышление намного зрелее его собственных 20 лет и это вполне его приравнивает ко мне, тем более, что у меня с ним до смешного одинаковый подход ко всему, что мы с ним обсуждаем. Я очень рада, что возле меня есть именно такой человек, не зубр, у него нет шор на глазах, у него широкий кругозор. Так что я считаю, что Бог послал его мне и не могу нарадоваться. Одна дама, старая подписчица, тоже с широким кругозором, сказала мне недавно, что “Наша Страна” стала намного, намного интереснее, что повидимому в ней принимают участие молодые силы. Она и понятия не могла иметь о участии Ники. Просто она “учуяла” нечто новое в газете”.

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 26 июня 1968. “Ника редактирует статьи, пишет все заметки от редакции. Делает он это совершенно самостоятельно. Больше всего он корпит над редактированием статей Алексея Ростова “На Родине”, которые написаны небрежно и плохо. Ваши статьи или Войцеховского, разумеется, в редактировании не нуждаются. Но он также редактирует все материалы о происходящем в СССР, подаёт из них самые важные и интересные моменты. Несмотря на то, что ему недавно исполнилось 20 лет, он намного перерос свой возраст в интеллектуальном смысле. И что у него очень ценно это то, что он умеет извлечь из читаемого им самый “цимес”, самое основное и ценное. Вот потому я и поручила ему редактирование материалов. И мне кажется, что делает это он блестяще. Скажу Вам без всякого преувеличения, безо всякой женской невосдержанности и излишнего ажиотажа, что для “Нашей Страны” Ника это находка и клад и я благодарю Бога за него. Это самый непреложный факт. У него немного саркастический склад ума и из этого вытекает, что и юмор его тоже саркастический (а юмором он тоже обладает, как и очень трезвыми и умными рассуждениями во время разговора о том или ином вопросе)”.

С. Л. Войцеховскому, от 30 июля 1969. “Ваша идея посылать Нике материалы из американской прессы принесёт ему большую пользу, как и вообще Ваши ему советы, к которым он очень внимательно прислушивается. К счастью он

очень серьёзный молодой человек и Ваш, в высшей степени похвальный отзыв о его публицистической деятельности ни на йоту не вскружил ему голову. Но должна признать, что ему, как и мне, было чрезвычайно лестно и ценно получить именно от Вас такой блестящий отзыв о его статьях. У меня очень большое удовлетворение от сознания того, что в какой-то степени я предоставила платформу для проявления его способностей. Теперь, после его статьи “Подвиг ума” можно сказать, что он способен писать на совершенно разнообразных темах. Я получила не только от Вас и от Макриды очень положительные отзывы о его статьях, но также и от читателей, устно, по телефону и письменно из других стран”.

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 20 августа 69. “Войцеховский. мне пишет в письме от 9 августа: “Не разделяя оптимистического восторга Н. Л. Казанцева вызванного высадкой на Луне – нельзя забывать о том, что каждое достижение в космосе усиливает опасность уничтожения Земли запущенной в орбиту термоядерным оружием – нахожу его статью о “подвиге ума” блестящей. Не откажите ему это сказать. Совсем не считаю обязательным совпадение всех его мнений со взглядами, сомнениями и опасениями остальных сотрудников “Нашей Страны”. Необходимо согласие в главном – в оценке коммунизма, в службе русской национальной и государственной традиции, в трезвом подходе к нашей эмигрантской тактике – но во многом другом допустимы не только различия, но и противоречия. Пусть молодой и, совершенно очевидно талантливый и умный человек пишет то, что считает верным, не считаясь с тем, что кто-либо его мнение не разделяет”.

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 21 сентября 69. “Вы правильно расценили Никино отношение к своим собственным способностям. Он не возгордится. Я совершенно спокойно прочла ему Ваше мнение о его статье “Подвиг ума”. Меня лично Ваше мнение привело в восторг. Я переживаю Никины статьи, как будто они мои. И я бываю невероятно счастлива, когда получаю такие высокие отзывы, как Ваш, которые я ему передаю. Он конечно в душе очень доволен такими отзывами, а в особенности Вашим и Войцеховского (тоже очень лестные отзывы), но отнюдь не поддаётся соблазну почить на лаврах. Он очень серьёзно подходит к процессу написания статьи. Если бы Вы знали сколько он перерабатывает и как он сокращает, то есть выкидывает всё лишнее, без

чего можно обойтись. Войцеховский написал, что считает, что Ника займёт в будущем первое место среди эмигрантских журналистов (не касаясь, конечно, возможности работы в свободной России, когда дойдёт до этого дня), и что он должен быть благодарен судьбе, что ему посчастливилось начать в таком, по мнению Войцеховского, органе печати, издатели которого были самого первого ранга. Должна признать, что получить от Войцеховского комплимент – это очень много. Он человек в футляре. Он сухой, педант, но очень умный и никогда в письмах не пишет ничего лишнего (впрочем, как и в статьях). Нике он самолично написал письмо на двух страницах, в которых сухо и сдержанно превозносит Никины способности. Как это ни парадоксально, но именно сухо и сдержанно приходит в восторг от Никиных статей. Но вместе с тем даёт ему много хороших советов (очень похожих на Ваши, так как он тоже настоящий журналист) и предупреждает о том, чтобы у него не закружилась голова от успеха. К счастью я могу дать голову на отсечение, что Ника никогда не возгордится у него не закружится голова, как Вы правильно сказали. Я его очень хорошо узнала (конечно, в области газетной работы).

С. Л. Войцеховскому от 28 ноября 1969. “Н. Казанцев 23 ноября женился. Многие мне говорили, что с ним всё покончено. Что он уже не будет работать в “Нашей Стране”. Но я в него крепко верю. И ни одной минуты у меня не было такой мысли. Маленький пример. Когда я в четверг, как всегда, принесла ему на службу статью для редактирования, то всё же сказала, что понимаю, что не во время (за четыре дня до свадьбы) и что постараюсь сама сделать эту неблагодарную работу. Но он мне ответил: “русский солдат всегда на посту”. Принимая во внимание его величайшую сдержанность и даже скрытность, я приняла это не как юношеское бахвальство, а как серьёзный подход к своим обязанностям. В день свадьбы, в церкви, когда он ждал невесту, после того как хор пропел ему, он вынимает из кармана конверт, передаёт его своему брату-шаферу и просит брата сразу же передать его мне, которая уже стояла в церкви. Так сказать, почти что во время венчания он исполняет то, что нужно было сделать, так как в понедельник статьи надо было сдавать в набор. На меня это произвело сильное впечатление. Надо только подумать, что 22-летний молодой человек, на пороге новой жизни, чётко и аккуратно исполняет свои обязанности, которые он на себя возложил добровольно. Так что

у меня нет никаких сомнений по поводу того, что Николай не пропал для газеты и для русского дела вообще (как мне некоторые уже пытались доказать и этим приводили меня в злое состояние). Он настолько русский, до мозга костей, что никогда не отойдёт от нашего общего русского дела. Да, я в него очень верю”.

Анатолию Григорьевичу Макриди от 26 августа 1970. «Я буду гнуть свою линию, то есть линию стопроцентного возвращения газеты на солоневические рельсы. Я не отступлю. Я надеюсь, что не окажусь побеждённой. В этом убеждении мне очень помогают Никины доводы и убеждения. Что и говорить. Без его поддержки я бы не пошла на такую глухую, длинную и неприятную борьбу с Алексеем Ростовым. Но Никин молодой энтузиазм и вера в нашу с ним правоту дают мне силы для этой борьбы. У меня с Никой нет никаких разногласий, мы с ним стопроцентно единомышленны. Радостно отметить, что также единомышленны мы с Вами и с С. Л. Войцеховским».

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 8 мая 1973. «Если бы не было Ники, то я не знаю, что бы я делала. Слава Богу, что Бог мне его послал».

Анатолию Григорьевичу Макриди, от 11 апреля 1974: «В прошлую пятницу Ника выступал в государственном телевидении в программе “Стол корреспондентов”. Тема была «Торговые договоры со странами за Железным Занавесом». Моё сердце пылало гордостью за него. Было их три журналиста, но Ника был на высоте. У него кроме прочих достоинств прекрасная дикция и очень хорошо «подвешен язык». Он очень находчив и отвечает сразу, толково, кратко и в концентрированной программой. Он сумел вернуть о Сахарове и многое сказал о Солженицыне и о советских концлагерях. На другой день я почти всё время провела у телефона, и то отвечала на звонки-поздравления и выражения восхищения, то сама звонила и обсуждала Никино выступление. В общем на нашем эмигрантском буэносайресском небосклоне его выступление было большим событием. Все говорили, что держал он себя корректно, но просто, без всякой натянутости или волнения, и серьёзно. Это не значит, что он не улыбается и не смеётся, но весь он дышит серьёзностью».

Анатолию Григорьевичу Макриди от 13 сентября 80. «Наш Ника становится всё более популярным в самых разных кругах зрителей ТВ. Мои соседи, интеллигентные аргентинцы, в восторге от него. Видя Нику на лестнице, или входящем из моей квартиры, они наконец спросили, не друг ли мне он? Я сказала, что не только друг, а и редактор моей газеты и они стали им без конца восторгаться. В частности вспомнили Никин репортаж когда он был на острове Робинзона Крузо и сказали, что это был самый интересный и замечательный репортаж за всё это время. Один русский ветеран трёх войн сказал мне, что снимает перед Никой шапку. Дело в том, что он говорит по ТВ то, что никто до сих пор здесь не говорил: правду о русских царях и о советской власти. Ника страдает однако одним, я сказала бы, недостатком: он чересчур скромнен».

В те времена...

И в нынешние...

МЫСЛИ КАРЛОВЧАНИНА

ДРУГОЙ - ВСЕГДА АГЕНТ КГБ

Вижу на сайте «Интернет-Собор» статью под заглавием «РПЦЗ: Раскол в нашей Церкви с помощью предателей устроен властями РФ». Имеется ввиду уход из-под омофора Митрополита Агафангела приходов в США во главе с Ар-хиепископами Андроником и Софронием. Итак, возвращаясь к печальному событию. Надеюсь никто меня недоброжелателем Зарубежной Церкви не считает. А если кто считает — Бог с ним, буду обращаться к благоразумным людям.

Увы, обвинение друг друга в том, что «другой», является агентом КГБ — одна из многих печальных болезней, оставшихся от большевицкого эксперимента. Можно было бы выставить целый набор всех тех, на кого такие постыдные обвинения вешались. О ком только такое не говорилось! Именно из-за этого всё меньше внимания обращается на такие огульные обвинения. Добавлю, что наивно думать, что страдая и отличаясь знаком с советскими методами.

Когда бросаются такие серьёзные обвинения, то надо их делать «в открытую». Хотя и понятен, в принципе, аргумент об опасности назвать имя «осведомителя», но в данном случае он не вполне убедителен. Если за этим человеком органы следят, то им не трудно будет увидеть на Интернет-Соборе, что он открыл тайну и сотрудничать с ними отказывается. Для этого нет необходимости быть Джеймс Бондом! Иными словами — прятаться за анонимностью нет здесь никакого смысла. Также не совсем ясно о каком «известном» епархиальном собрании у Вл. Софрония идёт речь в записке священника-обвинителя?

Кто за священник? По какой причине имел разговоры с представителями полиции, «конторы»? Какой именно конторы? На какую тему шёл разговор? Под каким омоформ находится этот священник? Не рано ли считать это уже «информацией»?

На Архиепископа Софрония уже выдвигались одни обвинения, теперь это, а какое будет следующее? Есть такая поговорка, которая звучит очень неучтиво, но она вполне применима в данном случае: когда хотят убить собаку, говорят, что она бешеная.

Мы все болеем, страдаем от очередного кризиса, раздирающего Церковь. Я придерживаюсь нейтральной позиции. С самого начала говорил, что нового раскола нам не осилить. Поэтому я очень болезненно воспринимаю всё, что направлено на разрыв. В Маунтэн Вью несомненно были сказаны лишние слова, но и было выдвинуто немало настоящих вопросов, на которые, кроме очередных санкций, ответов не последовало, а теперь вдобавок, на основании этой информации о «бывшем архиепископе» Софронии, какие-то ещё новые решения готовятся на «ближайшем Синоде».

Хотим ли мы уподобиться тому, что творится в РИПЦе? Увы, к этому идёт. По всей вероятности следует ожидать нового углубления разрыва, тогда как наоборот наш долг всё делать, чтобы излечить раны между нами, не говоря о необходимости искать пути сближения с теми, с кем ещё не так давно мы были вместе в исторической РПЦЗ, кто по

тем же причинам, что и мы не пошёл в МП и с кем по печальному недоразумению не имеем сегодня общения. Усилия в том, чтобы исправить это положение никак не являются ересью, а Богоугодным делом. «Да будут все едино»! Как и большинство представителей исторической Зарубежной Церкви, вполне разделяю позицию протоиерея Александра Ивашевича, придерживающегося общения с обеими сторонами.

Что я думаю по поводу нашего печального церковного положения я изложил довольно просторно в трёх обстоятельных письмах Митрополиту Агафангелу. Но обе стороны не слушают, ведётся два параллельных монолога. Иные не понимают, как я придерживаюсь общения с обеими сторонами.

У меня вполне нормальные и доверительные отношения с Владыкой Митрополитом и одновременно не вижу никакой ереси у другой стороны, и значит никакой причины порывать с ними. Зато вижу и читаю лишние слова с одной, как и с другой стороны, но стараюсь не придавать этому особого значения, так как считаю, что если у меня есть какая-то роль, так это служить к созиданию Зарубежной Церкви, а не к её развалу. Пишу это на основании моей 70-летней принадлежности к Зарубежной Церкви и уже почти 50-летней активной и сознательной в ней деятельности. И скажу ещё, не ради хвастовства, а для информации, эта моя деятельность особо приветствовалась в частности такими столпами, как Митрополиты Филарет и Виталий, Архиепископы Антоний Женевицкий, Антоний Лосс-Анжелосский, Серафим Брюссельский, Епископ Григорий (Габбе) — то есть все те, кто имел вес в исторической РПЦЗ.

Я не вижу еретиков там, где их видят другие. Иные вероятно их видят, потому что смотрят лишь на сегодняшний день. А надо смотреть в корень. Как это началось. Как заварилась каша. И если сделать усилие разобраться — как, что и почему, то станет ясным, что всё не так просто, как иным кажется и что было бы смело утверждать, что только одна сторона во всём виновата.

Я уже годами ратую за то, что наша святая обязанность, если мы настоящие сыны Зарубежной Церкви — всё делать, чтобы

воссоединить её рассеянные распавшиеся части. Согласен признать, что эта забота всеми разделяется, но меня особо радует видеть, что сторона, которую некие сторонники Митрополита Агафангела инкриминируют — особо над этим трудится. И я это приветствую и вижу в этом возможную надежду выхода из сегодняшнего тупика.

Иные сторонники Митрополита Агафангела критически относятся к тем членам нашей Церкви, которых они считают еретиками. Хотелось бы им задать вопрос: неужели их не смущает присутствие в нашей Церкви людей, постоянно выступающих на Интернет-Соборе с возмутительными и совершенно пустыми суждениями? Не позорит ли это нашу Церковь? Неужели их не смущает система оценок на комментарии, так как она практикуется на Интернет-Соборе? Прямо, как в «старое доброе советское время» в ЦК: генеральная линия определила — все встают и как один человек голосуют за, или как один человек голосуют против... Не позорит ли это нашу Церковь?

Мне, как старому Зарубежнику, тяжело бывает видеть, как пал уровень Зарубежной Церкви.

МИТРОПОЛИТ ИСКАРИОТ

В книге митрополита Венямина (Федченкова) «На рубеже двух эпох» говорится об отречении, революции и убийстве Царской Семьи, но в таком ключе, что мол они сами виноваты, да и народ, и духовенство не переживали по поводу убийства. И сам будущий митрополит никаких особо эмоций не испытывал — только детей ему было жалко. И власть большевиков вроде как была единственно правильной и адекватной в сложившейся ситуации — более того, Богом данной и попущенной.

Книгу митрополита Венямина можно определить, как вреднейшую дезинформацию. Почему? Известно, что в Белой Армии при генерале бароне П. Н. Врангеле он возглавлял военное духовенство и считался Епископом Армии и Флота. Затем эмигрировал с Бельями. Принимал участие в формировании Зарубежной Церкви, а потом круто повернул, именно в самый невралгический момент: перешёл в Московскую Патриархию в 1927 году на основании пресловутой Декларации о лояльности советской власти! Мемуары такого человека,

естественно, очень ценны, но не для историка, а для советской власти. Как же? Ведь пишет Белый Архиерей! А на самом деле, надо знать, что вполне заслуженно он получил прозвище «красного митрополита». Понятно, что человек с такой биографией не мог вернуться в СССР «просто так», тем более, что он сам пишет в предисловии, что идея книги возникла на основании «случайного милого разговора» с советским консулом в США. Кто знает советскую действительность, легко сумеет перевести это на понятный язык.

И в этой книге, кстати хорошо написанной, на первый взгляд нечто вроде исповеди вслух, но на самом деле иерарх выслушивается перед своими безбожными хозяевами.

Особенно двухсотые страницы пронизаны лукавством. Чего стоит его описание судьбы оставшихся в Крыму Белых офицеров и солдат, не эмигрировавших с генералом Врангелем! Он, бывший духовник этой Армии, не нашёл ни одного слова сочувствия, будто и не знал о том, как изверг Бела Кун справился с этим вопросом, устроив небывалую в истории резню. Ведь сам Бела Кун говорил: «Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит».

И этот изверг сдержал слово. Задва месяца расстрелял около ста тысяч безоружных военных и штатских так, что над полуостровом долгое время стоял трупный смрад. И об этом у нашего мемуариста — ни слова, зато изобилие всяких гадостей о старом режиме и о Белых.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ИСТОРИЯ — МОЯ СТИХИЯ

Прошу не отказать в любезности на страницах «Нашей Страны», — единственного монархического и антикоммунистического органа печати на всём Зарубежье, — поместить нижеследующую мою заметку — благодарность досточтимому отцу протоиерейскому Герману Иванову-Тринадцатому.

Выше Высокоблагословение! Благодарю Вас за тёплые слова («НС» № 3055). Не скрою, был тронут ими, но и смущён, ибо Вы меня перехвалили и это говорю без всякой фальши. Я не профессиональный историк и трудов по этому предмету за мной никаких нет, да и университета я не окончил, пришлось уйти с 3-го курса по житейским соображениям. Историю я просто люблю — это моя стихия!

Стараюсь делать то, что делают и все авторы «Нашей Страны», включая и Вас, как ведущего главного автора газеты — вернуть Россию на её Исторический Путь.

Кроме того Вы — профессор, то есть обладатель высшего учёного звания, дающего Вам право преподавать в высших учебных заведениях, и Вы — правого толка. Поэтому Ваша критика или разбор моих статей вдвойне мне ценен, ибо исходит от лица знающего своё дело, не только по богословию, но и по истории.

В Византии некоторые из дьяконов пользовались большими привилегиями при патриархах, являясь их советниками, и имели право проповедовать в храмах слово Божие, а у католиков существует и по сей день титул «кардинал-дьякон».

Граф А. Коновницын

Волею Божией 2-го марта сего года на 88-ом году жизни в Оливосе, Аргентина, после продолжительной болезни скончался

**ИНЖЕНЕР
ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ РАКИТИН**

о чём с глубокой скорбью сообщают сестра, Ирина Михайловна Исакова, урождённая Ракитина, и племянники Светлана, Андрей, Татьяна и Вероника. Царство Небесное!

Волею Божией 2 марта сего года в Оливосе, провинция Буэнос Айрес отошёл ко Господу верный сын Исторической России, бывший староста Свято-Покровского храма в Темперлее

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ РАКИТИН

о чём с прискорбием сообщает редакция "Нашей Страны" и выражает своё сердечное соболезнование сестре, брату, детям и всем родственникам покойного. Вечная память и вечный покой!

ДОСТОЕВСКИЙ - ВЕЛИКИЙ ПОПУЛЯРИЗАТОР ЕВАНГЕЛИЯ

*"Больша сея любве
никто же имать,
да кто душу свою положи
жит за други своя"*

*"-Ты счастлив? Счастлив?
- спрашивала Настасья Фи
липповна князя Мышкина.
- Мне только одно слово
скажи, счастлив ты
теперь? Сегодня, сейчас?"*

Настасья Филипповна было необходимо, чтобы её возлюбленный был счастлив, пусть и с Аглаей. Это и возглас души каждого положительного героя Достоевского, пусть и не поставленного Федором Михайловичем в их прямую речь. А, прежде всего, это возглас самого писателя. В нём выражена самая существенная черта русской души: готовность положить душу свою за другого, дарованная русской душе сразу по принятии ею в свое сердце Христа.

"Счастливы ли ты?" - это не вежливое обращение опустошенного сердца. Это вопрос всей жизни! Много лет формировалась душа, чтобы в нужный момент положить её за любимого человека. Причём плотская любовь при этом вопросе не существует. Любовь «за други своя» - это совсем иное, совсем противоположное нынешнему господству опустошенной души... «заниматься любовью».

Чьё же это сердце открыл Ф. М. возгласом Настасья Филипповна: А свое сердце и открыл. И, чтобы хоть как-то, хотя бы умом ощутить эту готовность положить свою душу за другую, хорошо бы найти её раскрытие у какой-нибудь другой поэтической души, созвучной душе писателя. Русская классическая литература такую возможность может предоставить многократно.

Мы же обратимся лишь к душе Михаила Юрьевича Лермонтова. 17-тилетним он встречает юную Варвару Лопухину, которой тогда было 16 лет. Варвара так же сильно любила поэта. Но семья Лопухиных выступила против их брака. Главным противником выступил отец. Когда Вареньке было 20 лет за неё посватался 37-летний помещик Бахметьев, и, как пишет племянница Лопухиной: «Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметьева было принято». А по свидетельству троюродного брата Лермонтова Акима Шан-Гирея, тот при известии о свадьбе Лопухиной «изменился в лице и побледнел». И вот, в этот бесспорно трагический для него момент, он со всей искренностью открывает единственное то, чего больше всего сейчас желает его сердце.

*Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую,
Старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
Вутро ли шумное, вночь ли безгласную -
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

Кто на практике так раскроет слова Господа Христа о самой большой любви, как эта русская душа? Эти слова Лермонтова полностью раскрывают и душу

Настасья Филипповны, которую она целиком вложила в свой вопрос: "Ты счастлив?".

А мы тоже думаем сейчас только об одном: как хорошо было бы присоединить это стихотворение в школьной программе к "Бородину" Лермонтова, чтобы не только на патриотическое воспитание могло бы повлиять сердце его, через великий его дар поэта, но и на воспитание чувств. Как было бы хорошо, если бы все русские мальчики, и все русские девочки знали бы это стихотворение наизусть!

Достоевский - великий популяризатор Евангелия. Но настолько непростой, что его толкование Евангелия само требует, чтобы его истолковывали. И ни кто-нибудь, а такие великие аввы, как святитель Антоний Храповицкий и преподобный Иустин Попович.

Он толкует Евангелие, неимоверно усложняя его понятия до крайности. Он преподносит непростые Евангельские понятия через саму жизнь человека, через его страдания, мысли, чувства. Но, закручивая спираль своих головокружительных сюжетов, Федор Михайлович ни на мгновение не прерывает нить евангельского духа, подчиняющую каждую малюсенькую деталь, каждую образную краску единой евангельской цели в каждом своем романе. Для чего так неимоверно всё усложняет Достоевский, а не говорит прямо? А вот, для того, чтобы *любите друг друга!* коснулась самого сердца и, может быть, и осталась бы в нем.

И как проникновенно преподобный Иустин Попович начинает свой удивительный труд о Достоевском: "Начиная с моих пятнадцати лет Достоевский - мой учитель. Признаюсь - и мой мучитель. Уже тогда он увлек меня и покорила своей проблематикой. Я понял, что его проблемы - это вечные проблемы человеческого духа. И если человек называется человеком, то он должен ими заниматься. А Достоевский весь в этих проблемах, и поэтому во всех своих изысканиях он - настоящий человек. Его превосходство в том, что в вечные проблемы человеческого духа он внес вдохновение пророка, пламень апостола, искренность мученика, грусть философа, прозорливость поэта".

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов в конце своей земной жизни, когда уже не мог и передвигаться, и его переносили его ученики, твердил им всего только одну фразу: любите друг друга. Ученикам надоело слушать это однообразие, и они сказали ему, наконец, что-то вроде: "Отче, ну, что уж ты заладил одно и то же?" - "Так ведь, если будете это соблюдать, то больше ничего и не надо" - ответил он.

В эту самую точку бьёт и Достоевский. Только он повторяет эту фразу, не произнося её, а наоборот, закапывая всё глубже и глубже в людские страдания, в людские немощи, в людское не-разумение. Для чего он это делает? А вот, для того, что, ежели, кому удастся самому докопаться до этой главной заповеди Христа через описанные им глубины людских страданий людской мерзости, то тот уже не скажет: "Ну, что заладил?"

Но чтобы это состоялось, чтобы читатель его романов главную заповедь Христа: *любите друг друга* воспринял не как фразу, а как цель

и смысл каждой человеческой жизни, да, необходимы толкователи Достоевского - святитель Антоний Храповицкий и преподобный Иустин Попович. Вот, после их анатомии творчества Достоевского все его хитросплетённые сюжеты отваливаются на второй план, и в сердце читателя проникает становящаяся доступной для этого проникновения главная заповедь Христа.

Главнейшая мысль Достоевского та, что больше всего человеку в его земной жизни необходима любовь! Из всех ценностей самая большая - любовь. Конечно, богочеловеческую любовь не сравнить с земной. Лучше всего это объяснить может сам писатель. Есть много видов любви. Все они относительные, проходящие, смертные. Только одна из них - абсолютная и вечная. Это богочеловеческая любовь.

Проверяется эта любовь Богочеловеком Христом. Конечно же, человек, возлюбивший Христа, испытывает такую любовь, которая, да, превосходит всякую земную любовь. Но, сказать, как Марина Гарденина, что любовь земная - любви не знает... чересчур смело. Получится, что любовь, например, Свидригайлова, Пульхерии Александровны, Разумихина... ну, какая это любовь? Для писателя такая мысль недопустима. Только через земную любовь, человек может "возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем разумением своим".

Подтвердим эту мысль известной притчей. «Один человек пришел к старцу и сказал: - Я хочу найти путь к Богу. Помогите мне! Тот внимательно посмотрел на него и спросил: - Скажи мне сначала, любил ли ты кого-нибудь? Гость ответил: - Я не интересуюсь мирскими делами, любовью и прочим. Я хочу прийти к Богу. - Подумай ещё раз, пожалуйста, любил ли ты в своей жизни женщину, ребёнка или хотя бы кого-нибудь? - Я ведь уже сказал тебе, что я необычный мирянин. Я - человек, желающий познать Бога. Всё остальное меня не интересует. Старец печально ответил: - Тогда это невозможно. Сначала тебе следует познать, как это действительно по-настоящему полюбить кого-нибудь. Это и будет первая ступенька к Богу. Ты спрашиваешь меня про последнюю ступеньку, а сам ещё не вступил на первую».

И вот, эту земную любовь, величайший Божий дар людям, намного превосходящий дар свободы, которым Он тоже снабдил людей, Достоевский и преподдал миру.

Раскольников решил идти с повинной. И перед тем, как направиться в контору предавать себя, он идёт к матери, к которой не приходил несколько дней, запретив и ей приходить к нему, хорошо понимая, на какую муку он обрёл её такой своей жестокостью. Что же теперь он идёт успокоить мать? Попросить прощения? Подготовить её к страшному известию, которое она узнает, когда он сознается в убийстве? Нет, это мог бы иметь в уме любой писатель, но не Достоевский! Раскольников перед каторгой идёт к матери, чтобы спросить её...

- Маманька, что бы ни случилось, что бы вы обо мне не услышали, что бы вы обо мне ни сказали, будете ли вы любить меня так, как теперь? - спросил он вдруг от полноты сердца, как бы не думая

о своих словах и не взвешивая их.

Но не только спросить об этом у своей маманьки пришел к ней Родион Раскольников, перед своей каторгой, он пришел к своей маманьке также и сказать ей:

-Я пришел вас уверить, что я вас всегда любил, и теперь рад, что мы одни, рад даже, что Дунечки нет, - продолжал он с тем же порывом, - я пришел вам сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но всё-таки знайте, что сын ваш любит вас теперь больше себя, и что всё, что вы думали про меня, что я жесток и не люблю вас, всё это была неправда. Вас я никогда не перестану любить... Ну, и довольно...

Вот, что необходимо Раскольникову в самый трудный момент его жизни - любовь тех, кого он любит. Это было необходимо самому Федору Михайловичу, когда он стоял на эшафоте. Это необходимо каждому человеку, хотя не каждый скажет, как Родион Раскольников, не каждый осознаёт это... но каждый это чувствует.

А как через земную любовь человек возлюбил Господа Бога своего всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем разумением своим, писатель показал на образе Верховенского.

-Друзья мои, Бог уже потому мне необходим, что это единственное существо, которое можно вечно любить... Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшийся к Нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей - возможно ли, чтобы Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то и я бессмертен! Вот мой символ веры.

К такой любви, к такому символу веры Степан Трофимович смог прийти потому, что земной любовью он любил так искренно, так нежно, как дай Бог так любить другим. Вот он, Достоевский, до сих пор колеблющий безбожный мир, не могущий справиться со своей душой христианкой, которая уже при полном разгуле плоти продолжает рваться к своему Творцу. Вот, она разгадка недоумения всего "образованного" мира, узнавшего, что переведённый на японский язык роман "Братья Карамазовы" миллионным тиражом был сметён с японских прилавков в одно мгновение. И это во времена господства «гарри поттеров»! Кстати, в Японии часто всё начиналось с русской литературы. Через неё японцы усваивали практическую сторону христианства, и под её влиянием обращались к Евангелию и так приходили к вере. Душа японцев, а не извращенное их сознание пакемонами и поттерами, заставила их и сегодня ринуться за откровением Достоевского. Потому что и в "Братьях Карамазовых" раскрывается этот же призыв Христа любите друг друга!, то есть, та любовь, которой любили и Сонечка, и Раскольников, и Алёша, и мальчики, и Илюшечка, и все-все персонажи, вышедшие из мученической души писателя Отсюда исходит и определение ада, преподнесённое нам Достоевским: "Что есть ад?" - Рассуждаю так: "Страдание о том, что нельзя уже более любить".

Вадим Виноградов